

Рецензируемый сборник («Диахронический славянский синтаксис: акцент на градуальных изменениях») под редакцией Б. Ханзена и Я. Гркович-Мейджор посвящен диахроническим изменениям в синтаксисе и морфосинтаксисе славянских языков. Он составлен по итогам международной конференции с тем же названием, проведенной в Регенсбургском университете. Характерный для британского английского термин «Slavonic» – вместо более принятого сейчас «Slavic» – в названии сборника и в текстах англоязычных статей относится именно к славянским языкам вообще, а не специально к старо/церковнославянскому (Church Slavonic). Представлены работы о русском, чешском, западнорусском письменном языке, или «простой мове» (Ruthenian), нижнелужицком и польском языках. Сборник состоит из семнадцати статей, для лучших из которых характерно удачное сочетание традиционной славянской филологии с современными лингвистическими теориями и типологическим контекстом, а также корпусными технологиями. Большинство статей написано на английском языке, три – по-немецки. В сборнике представлены сторонники различных теорий, как функциональных (грамматика конструкций, теория грамматикализации), так и формальных (различные версии генеративизма). Вместе с тем все работы объединены и одним общим принципом. В славистике, прошедшей период увлечения чисто синхронными описаниями, ощущается необходимость обращения к прошлому языку для адекватного отображения тех или иных синхронных процессов и постоянное сопоставление нескольких планов, следы которых сосуществуют в языке – «бисинхрония», по определению французского слависта П. Гарда. Слово «градуальный» в названии отражает некоторое общее рамочное допущение всех работ, представленных в сборнике, согласно которому природа языка в принципе динамична и должна описываться с учетом переходных явлений, существующих в нем в каждый момент.

Порядок авторов в сборнике – алфавитный, и это не всегда удобно: в ряде случаев желательна была бы тематическая группировка статей (например, публикаций, посвященных проектам разработки корпусов, грамматикализации причастий, общей движущей силе изменений славянского синтаксиса или истории отрицания).

Первая статья в сборнике, написанная д-ром Х. Бартельсом, сотрудником Лужицкого института в Котбусе, посвящена созданию и использованию диахронического корпуса нижнелу-

жицкого языка. Проблема документирования исчезающих языков и подготовки унифицированных электронных корпусов, включающих максимум доступных источников и снабженных единой разметкой, уже ставилась в науке, однако на материале языков других регионов. Нижнелужицкий язык относится к тем языкам Европы, которым в настоящее время угрожает вымирание, при этом он сравнительно хорошо документирован литературными текстами (а не только полевыми записями, как подавляющее большинство «угрожаемых языков» мира). На материале корпуса автор исследует как ряд долгосрочных феноменов, например пуристическое вытеснение в пассивной конструкции германизма *wordowaś* 'становиться' (< *werden*) исконным *byś* 'быть', так и очень динамичных изменений нормы, связанных с влиянием крупных писателей. Корпус начал создаваться еще в начале 1990-х гг. и охватывает 23 миллиона словоупотреблений почти за 200 лет. Проблемы, возникающие при составлении этого корпуса, представляют общетеоретический интерес для работы над корпусами малых литературных языков (мощное влияние одного-двух авторов, редакций конкретных газет).

В статье Я. Бьёрнфлатена рассматривается образование русских деепричастий через призму теории грамматикализации (в том ее понимании, которое отражено в работах П. Хоппера и Э. Траугот, Б. Хайне и Т. Кутевой и др.). Согласуемые причастия в предикативной функции превратились в истории древнерусского языка в несогласуемые причастия, изменив как тип словоизменения, так и синтаксическую функцию, причем изменение формы и значения шло одновременно. Исследуется употребление предикативных причастий и вариативность их форм в текстах XVI–XVII вв., в том числе в их различных редакциях, и демонстрируется отрыв формы от первоначальных значений числа и рода. К сожалению, автор мало упоминает собственно о древнерусских памятниках, фактически переходя от старославянского сразу к XVI в.; между тем известно, что в XII–XIV вв. разрушение механизма согласования причастий и грамматикализация деепричастий уже начались (например, в новгородских берестяных грамотах).

Статья М. Дочекала посвящена явлению отрицательного согласования (повтора отрицания при местоимениях и глаголе типа *Никто не видел никого*) в современном чешском языке в сопоставлении со старославянскими памятниками. Автор использует аппарат формальной семантики и современные логические и типо-

логические работы по отрицанию, предлагая «частичное синтаксическое решение», объясняющее эволюцию праславянской системы с «нестрогим отрицанием» в современные славянские языки, где повтор отрицания обязателен. Как известно, в древних индоевропейских языках сфера действия отрицания независимо от его позиции могла охватывать все предложение: по М. Дочекалу, неоднозначность трактовки отрицания перед местоимением (как сентенциального либо относящегося к местоимению) диктовала необходимость формирования особых отрицательных местоимений. И здесь можно повторить критическое замечание к предыдущей статье: автор не привлекает свидетельств памятников, промежуточных между старославянским и современным чешским: история чешского языка, как известно, неплохо документирована, и в ней засвидетельствованы некоторые архаизмы, утраченные, например, в восточнославянской ветви.

В статье Х. Экхофф и Д. Хауга представлена синтаксическая разметка разрабатываемого сейчас корпуса ранних переводов Нового Завета (корпус PROIEL, с недавнего времени открытый для свободного доступа в Интернете). Для синтаксического представления используется грамматика зависимостей. В отличие от других корпусов с зависимостной разметкой синтаксиса (например, Prague dependency treebank, созданного командой Чешского национального корпуса), норвежские исследователи используют более широкий инвентарь типов зависимости и допускают «вторичные зависимости» для обозначения кореферентности. Представляет большой интерес используемая коллективом технология автоматического пословного (а не по предложениям, как обычно в параллельных корпусах) выравнивания (token alignment). Эта технология опирается на словарь, генерируемый на основании мер коллокаций; разумеется, учитывается разница в порядке слов и синтаксической структуре. В статье приводится пример конкретного грамматического исследования – сравнение конструкций с выражением принадлежности в греческом и старославянском. Указывается, что выбор дативной или адъективной конструкции в старославянском связан с определенностью именной группы (однако не диктуется греческим выбором артикля непосредственно).

Работа М. Фрид использует теоретические предпосылки грамматики конструкций, одним из видных представителей которой является автор. Здесь анализируется эволюция «полных» причастных форм в древнечешском языке. Автор исследует специфические контексты этих форм («укрупненные модели», larger patterns) и переинтерпретацию причастий в рамках этих

моделей. Ключевую роль здесь играют «периферийные» (переходные) контексты, в которых проявляются черты нескольких типичных конструкций. Целый ряд факторов (как синтаксических – например, залог, так и семантических – например, одушевленность субъекта) способствует неоднозначной интерпретации этих форм и переходу их от предикативного значения к хабитуальному и атрибутивному.

Я. Гркович-Мейджор в статье под названием «Роль синтаксической переходности в развитии славянских синтаксических структур» считает эту роль «основной движущей силой» не только для истории славянских, но и остальных индоевропейских языков. Автор следует за гипотезой Вяч.Вс. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе, согласно которой праиндоевропейский язык изначально был языком активного строя. Затем типологическая революция привела к формированию в индоевропейских языках субъектно-объектных отношений, растянувшегося на многие века и затронувшему различные ветви этой семьи. В частности, формирование пассивного залога, винительного падежа как показателя пациенса и т. п. еще не завершилось в греческом языке гомеровской эпохи; в старославянском изначально не были образованы модели управления отдельных глаголов, поскольку падежи прямо отражали семантические роли, а категория переходности выработалась позже. Под влиянием этого процесса в модель управления стали втягиваться также предикативные клаузы (сентенциальные актанты) и выработалась система подчинительных предложений и собственно подчинительных союзов, первоначально еще не строго отграниченных от сочинительных (например, слова *a*, *и*, *ти*, *то* носили полифункциональный статус).

Статья Б. Ханзена посвящена грамматикализации русского эпистемического сентенциального наречия (в традиционной терминологии – вводного слова) *может [быть]*, восходящего к модальному глаголу *мочь*. В этом смысле русский язык типологически близок ряду других, где сосуществуют как не полностью грамматикализовавшаяся конструкция с модальным глаголом и союзом, так и наречный элемент, ср. англ. *It may be that...* и *maybe*. Отмечено, что грамматикализованное вводное *может [быть]* не изменяется по времени и наклонению, не принимает отрицания (**могло быть*, **могло бы быть*, **не может*), хотя вводное *может быть*, в отличие от вводного *может*, модифицируется наречиями *очень* и *вполне*. Рассматривается также конструкция, включающая подчинительный союз: *может быть, что Р* – так называемая «фокусная оценочная конструкция». В отличие от вводного *может [быть]*, в данной конструкции на первый план выходит

оценка вероятности говорящим (а не само положение дел). Далее, на материале Регенсбургского диахронического корпуса русского языка автор анализирует историю возникновения грамматикализованного вводного *может*, прошедшую шесть стадий:

1) конструкция возможности действия (*мо-гоу въдати*);

2) конструкция, совместимая со статическими глаголами и связкой *быть* (*может мои оученикъ быти*);

3) модально-экзистенциальная конструкция с собственно бытийным глаголом (*не может никтоже быти и разжати ся*);

4) конструкция *может быть, что* (появилась в среднерусский период, хотя с другими модальными предикатами такой тип отмечен и раньше);

5) вводное *может быть* (редкие примеры с XVI в., но массово только с XVIII в.);

6) вводное *может* (приводится пример из Гоголя, однако в текущей версии НКРЯ представлены многочисленные примеры уже из авторов XVIII в., начиная с Татищева и Ломоносова).

В интересной статье Б. Ханзена есть некоторые досадные неточности: так, 1499 г. – это еще не «начало XVI в.», *плод того и другого будет одинакий* нельзя перевести как *some of the fruit will be the same*, произведения Гоголя не могут датироваться 1863 г. и др. Сомнительно также, что вводное *может* «все еще неприемлемо в формальной речи»: конечно, в нем есть определенный оттенок разговорной интонации, и в официально-деловом стиле его, как и многие другие общелитературные слова и конструкции, не употребляют, однако его использовали в своих научных работах, например, М.М. Бахтин и Д.С. Лихачев.

Статья Чун Хакъюн (Jung Hakyung) «Предпосылки и мотивация в грамматикализации русского перфекта с глаголом *быть*» посвящена истории севернорусской диалектной конструкции с неизменяемым причастием типа *у меня [было] куплено корову/корова* ‘я купил корову’ (на эту тему автором в 2008 г. была защищена диссертация в Гарвардском университете). Исследователь использует понятийный аппарат как генеративного синтаксиса, так и теории грамматикализации, применяя его к большому числу источников – от берестяных грамот до современных диалектных записей (она даже работала с информантом из Карелии). Первоначально именная группа *у X-а* означала обстоятельство места при пассиве, затем через стадию бенефактива перешла к выражению агентивного субъекта. Условием такого преобразования стала изначальная синтаксическая двусмысленность конструкции с предлогом *у*,

а также применение принципа маркированности к агенту. В статье, как и в предыдущей, также есть неточности с глоссированием русских примеров (например, в берестяных грамотах *отчина наша и дѣдина* – цитирую в нормализованном виде – это по-русски не «fathers’ our belongings», а «достояние отцов и достояние дедов», при этом дается правильный литературный перевод *what belonged to our ancestors*).

В работе П. Карлика речь идет о чешских прилагательных на *-telný* с потенциально-пассивным значением (‘такой, которого можно Р’, ср. русск. *съедобный, познаваемый*, латинские прилагательные на *-bilis* и отсюда заимствованный англ. суффикс в *readable* и т. п.). Используется понятийный аппарат распределенной морфологии (distributed morphology) и генеративизма (обобщение Бурцио). Автор обращает внимание на то, что синхронный анализ, выделяющий два «композиционных» суффикса (*-tel-*, приписывающий агентивное значение, и *-n-*, исключающий прямое дополнение), вступает в видимое противоречие с историческими данными, согласно которым в этих прилагательных выступал суффикс *tedl-*, и предлагает анализ древнечешских морфологических данных с целью решения этого противоречия.

В работе Суррейской морфологической группы – коллектива с участием А. Красовицкого, М. Баермана, Д. Брауна, Г. Корбета и П. Уильямса – представлено корпусное исследование согласования сказуемого в русском языке. Показано, что одна из моделей согласования – множественное число с сочиненными именными группами (*в углу стояли стол и кресло*) демонстрирует плавный рост частотности и продуктивности (от 80 % до более 90 %) по сравнению с более ранней моделью *в углу стоял стол и кресло*. Вариативность здесь проявляется прежде всего в контекстах с постпозицией подлежащих, причем чаще с неодушевленными подлежащими. Для соотношения множественного и единственного числа в конструкциях с квантификаторами (*у меня обедает/обедает десять человек*) корпусные данные дают кривую без четкой тенденции, колеблющуюся вокруг значения 70 % в пользу множественного числа. Здесь основная зона вариативности связана с числительными от *пять* и выше, а также с местоименными квантификаторами типа *мало, несколько, много*. Отсутствие явно выраженного роста числового согласования объясняется его противоречием с другими морфосинтаксическими механизмами, которые не блокируют смыслового согласования по числу, но накладывают серьезные ограничения на его развитие. Дело в том, что числительные от *пять* и выше с синтаксической точки зрения продолжают управлять зависимыми существ-

вительными (в древнерусский период они и сами, как известно, были существительными), не говоря уже о словах типа *мало* и *несколько*. Поэтому по-прежнему стабильна модель согласования, приравнивающая числовые группы к существительным единственного числа.

В статье М. Лазар исследуется позиция возвратной клитики *ся* в древнерусской и среднерусской деловой письменности – грамотах различных регионов (возможно, избранный исследовательницей английский термин «Russian business writing», буквально калькирующий принятое в славистике сочетание *деловая письменность*, не совсем удачен и вызывает скорее современные ассоциации). Данный тип источников сравнительно мало привлекался в предыдущих исследованиях проблемы, в том числе в книге А.А. Зализняка «Древнерусские энклитики» (2008). Обнаружено, что на порядок клитики влияет жанр делового документа и его региональная принадлежность (так, в новгородском и полоцком регионах скорость грамматикализации *ся* как постфикса была разной), а также вхождение клитики в те или иные устойчивые формулы. В заключение автор оспаривает необходимость понятия «ритмико-синтаксического барьера», предложенного А.А. Зализняком в указанной работе.

Дж. Маканаллен исследует развитие предикативных посессивов в славянских языках: как известно, в праславянском изначально конкурировали конструкции типа *имею*, *мне есть* и *у меня есть*. Демонстрируется «победа» конструкции с *имею* в истории чешского языка под влиянием немецкого языка (при том что, например, латинский текст не оказал существенного влияния на выбор посессивной конструкции в ранних чешских переводах Библии), аналогично и для русской конструкции *у меня есть* автор предполагает финно-угорский субстрат.

В статье К. Мигдальского речь идет о диахроническом синтаксисе польских клитик, происходящих из вспомогательного глагола 'быть' в праславянском и древнепольском перфекте (типа *kupilišmy* 'мы купили'). Автор не вполне удачно использует термин «perfective», за которым в грамматической типологии закрепилось значение 'совершенный вид (славянского или близкого типа)', а не 'относящийся к перфекту', тем более что синхронно в польском языке эти формы имеют значение претерита (а не перфекта). Позиция этих клитик типологически любопытна: они могут встречаться строго либо при глаголе, либо при первом слове фразы (в ваернагелевой позиции). К. Мигдальский привлекает материал других славянских языков и исторические данные, а также анализирует контексты, при которых в клитизации вспомогательного глагола участвуют также

транскатегориальные частицы *by*, *li*, *že*. Автор приходит к выводу о принципиальной независимости процессов аффиксации и клитизации вспомогательного глагола, обусловленных разными синтаксическими явлениями; так, клитизация связана с коммуникативным или модальным выделением.

Статья А. Рабуса «Релятивизаторы в западнорусском» посвящена стратегии построения относительных предложений в западнорусском письменном языке (также известном как «простая мова», «руська мова», «староукраинский/старобелорусский» и т. п.) XVI–XVIII вв. Исследуется корпус, состоящий из уже оцифрованных западнорусских текстов, и показано, что в XVIII в. круг релятивизаторов резко расширяется: к релятивизатору *который* (преобладавшему с показателем примерно 90 % в текстах XVII в.) в текстах разных регистров под различными влияниями добавляются церковнославянское *иже*, а также сохраняемые современным украинским *котрий* и *який*.

Г. Раппапорт исследует грамматикализацию категории «лично-мужского» в западославянских языках. Как известно, она характерна для литературного польского языка, где во множественном числе выделяется класс личных существительных (обозначения людей) мужского рода, противопоставленных обозначениям животных и неодушевленных предметов мужского рода, а также всем существительным женского и среднего родов. Помимо польского, эта категория выражается также в словацком и верхнелужицком, хотя и не столь последовательно. Различные группы польских диалектов также отличаются в данном отношении от литературной нормы; сильнее всего этот процесс продвинулся в южных диалектах. Это разграничение возникло как результат двух независимых процессов, характерных для истории различных славянских языков – замены аккумулятивной формы на генитивную (ср. русск. *на кони* > *на коней*) и замены номинатива множественного числа в мужском роде на форму аккумулятива, в соответствии с исконным синкретизмом этих форм для других родов (ср. русск. *волци* > *волки*). Первый процесс изначально затрагивал лексемы, стоящие выше в так называемой «иерархии одушевленности», хорошо известной типологически (обозначения Бога и высокопоставленных мужчин, затем всех мужчин, затем, как в русском языке – всех людей и, наконец, всех одушевленных существ), второй, наоборот, начинал действие с противоположного конца шкалы, с неодушевленных предметов. Эти два изменения «столкнулись» друг с другом на некоторой промежуточной точке шкалы (а именно, на точке противопоставления обозначений одушевленных существ муж-

ского пола остальным существительным), в результате чего набор лексем, расположившихся по обе стороны этой границы, стал противопоставляться по двум признакам. Почему же в русском языке, в отличие от польского, этого «столкновения» не произошло? Ведь в русском совпадение генитива с аккузативом (кроме женского морфологического рода в единственном числе) отделяет все одушевленные имена от неодушевленных, а исторический номинатив множественного числа заменился аккузативом вообще у всех имен. Ответ на этот вопрос связан с относительной хронологией процессов в русском и польском. В польском языке они совпали во времени и смогли повлиять друг на друга, в то время как в русском языке к моменту начала распространения категории одушевленности на множественное число процесс вытеснения старой формы номинатива множественного числа аккузативом уже завершился.

Статья Р. Вечерки «Предпосылки развития и движущие силы славянского синтаксиса» содержит несколько утверждений принципиального характера, главное из которых связано с характером грамматикализации праславянских синтаксических конструкций. С точки зрения автора, они исторически связаны с разного рода элементарными коммуникативными единицами (для которых в историческом синтаксисе также употребляется термин «предложение» – «Satz»; автор предлагает называть их «относительно автономными синтаксическими единицами»): так, условные предложения восходят к самостоятельным восклицательным оптативным предложениям, конструкции типа *человек идет босой* – к бессоюзным сочетаниям типа *человек идет; он босой* и т. п. В процессе грамматикализации происходит введение формальных правил синтаксического построения, «интеллектуализация» и «рационализация» синтаксиса. Автор иллюстрирует этот тезис, в частности, при помощи диалектных примеров, с его точки зрения, более информативных для истории живого языка, чем показания литературных письменных памятников.

Заключительная статья Л. Веселиновой посвящена синхронии и диахронии стандартных (глагольных) и частных отрицаний в славянских языках. Анализируется материал 13 языков, в качестве основы исследования выбраны

типологические работы об отрицании Э. Даля, У. Крофта, М. Миестамо. Отдельно разобраны предложения с экзистенциальным отрицанием (*В саду нет диких котов*), с отрицанием при глаголе (*Мария не поет*) и при связке (*Мария не счастлива*). По выражению этих трех видов отрицания выделяются различные стратегии, естественно, тесно связанные с выражением в языке связки и экзистенциального предиката. При контрастивном отрицании (*Мария не в Лондоне, а в Москве*) в большинстве языков используется такое же отрицание, как и при глаголе, в отличие от «абсолютного отрицания» (*Марии нет дома*). Отмечено, что по противопоставлению типов отрицания внутри славянских языков выделяются ареалы, пересекающие границы трех традиционных подгрупп (например, ареал экзистенциального отрицания, образованного от глагола «иметь», типа болгарского или белорусского *няма*, охватывает южнославянские языки плюс польский, украинский и белорусский). Рассмотрена история грамматикализации этих отрицаний и уточняется предложенная У. Крофтом идея диахронического «отрицательно-экзистенциального цикла» с целью сделать ее применимой к славянскому материалу.

В целом рецензируемый сборник представляет собой весьма интересное собрание диахронических исследований, посвященных различным сюжетам в истории славянских языков, с привлечением достаточно больших корпусов памятников и различных современных теорий. Принципиальную открытость редакторов для представителей самых разных теоретических направлений нельзя не приветствовать. Многие статьи данного сборника обязательно должны быть учтены при дальнейших исследованиях грамматической эволюции конкретных явлений как в славянских языках, так и в типологическом освещении.

Д.В. Сичинава

Сведения об авторе:

Дмитрий Владимирович Сичинава
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
mitrius@gmail.com